

Елагина Александра

**г. Санкт-Петербург, Гимназия № 52 Приморского района, 10 «А» класс
«Все так живут, Андрюша»**

**Рецензия на спектакль «Палата № 6», Экспериментальная сцена п/р
Анатолия Праудина, театр – фестиваль «Балтийский Дом», Санкт-
Петербург**

Режиссёр - Анатолий Праудин

Легко ли быть сумасшедшим? Ноша безумия, составляющая такую малую и едва ли заметную долю для рабочего, идеального общества, так же тяжела и одновременно легка, как решение о самоубийстве для самоубийцы. Все "безумие", как ни парадоксально, исходит именно от "умия" ("горе от ума" – самая правильная формулировка), от осознания собственного бедственного положения в сумасшедшем доме, дурдоме (и неважно, будь то буквально дом для психически больных или вообще весь мир — полный таких же безумцев, как коридоры психиатрической больницы, только умело скрывающихся), от отчаяния, безвыходности, от правды. Правда глаза режет – а кто-то за свою собственную правду поплатился заключением в дурдоме. Сумасшедшие – козлы отпущения всех грехов человечества, вероятно, наиумнейшие люди всего мира, которые на шаг ближе остальных прикоснулись ко всей сущности мира и обожглись ею, её простотой. Сумасшедшие от одиночества, от непонимания и неприятия. Несчастные! Как нелепо и глупо они попались, как они были близки к истине, как мне их жаль и как я их понимаю! Жаль всех параноиков, для кого весь мир - открытые глаза, неотрывно следящие за ними, тайные агенты и шпионы тайного назначения с целью навредить несчастным, для кого страх и стыд не только постоянная преобладающая эмоция, но и медленный яд безумия, сводящий в могилу путём самоубийства, жаль всех несчастных с манией преследования, манией величия, с синдромом Бога, с биполярным

расстройством, с расстройствами личности, шизофреников с сотней голосов в голове - чем они виноваты, что не умеют быть "как все", за что страдают от того, что постигли то, чего не видят и не понимают остальные? До конца XIX века сумасшедшими вообще называли тех, чьё поведение или мышление отличается от социально принятых норм, нарушение в общении, состояния острой крайности, отсутствие интереса к жизни. Но если размышлять, руководствуясь этим определением, то получается, большинство героев писателей русской литературы были безумцами (нескончаемая депрессия в произведениях Достоевского, по-иному думающий и ненавидящий людей Печорин у Лермонтова, кристально правдивый искренний Чацкий Грибоедова), чьё место - "жёлтый дом"? Тогда кто же нормален? Только глупцы.

Вероятно, я чересчур романтизирую и "по-женски" расцениваю долю безумцев, однако после спектакля Анатолия Праудина "Палата №6" Экспериментальной сцены театра-фестиваля "Балтийский дом" у меня сложилось именно такое впечатление, и, более того, захотелось либо самой стать сумасшедшей — пусть за решёткой, но свободно мыслящей без раболепства и ограниченного круга мышления "российского лежебоки", либо помогать этим несчастным единомышленникам.

А работа над спектаклем шла чертовски долго. Время не всегда значит стоящий результат, но не с этим спектаклем. Режиссёру Анатолию Праудину и артисту Виктору Бугакову пришлось самим работать санитарями четыре месяца в психиатрической больнице №1 имени Кащенко, дабы получить опыт в общении с сумасшедшими, узнать их привычки, особенности, манеру речи и общения, почувствовать всю ту атмосферу безумия. Удивляюсь, как они сами при этом не свихнулись(?). Но этот поход принёс свои плоды: главный феномен и гений этого спектакля - Виктор Бугаков, который один играл всех семерых сумасшедших. Любоваться можно, не отрывая глаз! Кажется невозможным

разом сыграть всех душевнобольных так, чтоб это ясно читалось и не вызывало недоумения у зрителей. Но это оказалось реальным! В его исполнении отсутствует патология, но при этом остаётся точность характера сумасшедших.

Сам спектакль представляет собой некий "микст" из разных произведений Антона Павловича Чехова: основной сюжет взят из повести "Палата № 6", а некоторые персонажи и тексты - из пьес и рассказов Чехова ("Дядя Ваня", "Чайка", "Три сестры", "Крыжовник", "Сирены"), а тема "Вишнёвого сада" проскальзывает в рецептах от старческих болезней в виде вишнёвого сока.

При первом взгляде на сцену возникает ощущение некоего хаоса: вертикально поставленные каркасы кроватей, "барские уголки" — удобные кресла и столы, книжные шкафы, чуть глубже на сцене— чудаковатая с несоразмерно большой головой фигура профессора, больше похожая на младенца в очках (как позже выяснится, сошедший с ума профессор Александр Владимирович Серебряков), лежанка для сторожа-санитара Никиты (Александр Кабанов) и служанки Рагина Дарьюшки - она же санитарка (Маргарита Лоскутникова), усталая фигура больного на унитазе. Есть чётко огороженная территория, тюрьма, клетка для сумасшедших, откуда им не выбраться, но будучи взаперти физически в своём сознании они все равно куда свободнее "здоровых". Существует граница между "тем" миром, где врачи не способны справиться с рожей в хирургической и полной антисанитарией в приёмных, где "врач" — лишь условное понятие, и "иным" миром, где безумцы радуются зелёнке, не жалуясь на ужасные условия содержания, пытаются донести всю правду до врачей о них самих, но безрезультатно, ведь они — безумные. А безумные, как правило, думать не в состоянии. Костюмы стилизованы под Чеховское время — конец XIX века и начало XX —, а общая цветовая гамма — мрачный серый, с туманной неизвестностью. Причём если в начале врачи в серых фартучках и нарукавниках, как и полагается уходящему столетию, то

в конце на них красуются всеми нами знакомые до боли белые халаты. Главный герой - главный врач Андрей Ефимович Рагин (Константин Анисимов), философ и начитанный человек, чьи широкие познания, однако, не прикладываются к практике действий: он только читает часами умные книги, иногда закусывая водочку огурцом. Самое забавное и страшное, что он прекрасно осознает и бедственное положение больницы, и никчёмность своего существования, и глупость остальных людей, однако своей жизнью он доволен — комфорт и уют. В этом его беда и трагедия, его душевное уродство: ум есть, но лень, и, как ни странно, интеллигентность мешают сделать что-то полезное. Он уверен, что "ежели ему палец дверью прищемят - то он не заорёт", а Ванечка утверждает, что заорёт. И оказывается прав. Стоило жизни чуточку грубее прикоснуться к доктору, стоило только увеличить напор и давление — то сразу он сходит с ума, бьётся об стены, кричит и молит о помощи. Начиная общаться с сумасшедшим и искренне считая его хорошим и умным человеком, доктор Рагин встал на путь душевного излечения, но с летальным исходом, он сам подписал себе смертный приговор — он стал сумасшедшим для окружающих, хотя сам ни на секунду не признавал своё безумие. Комната Рагина с его книгами и головой Гиппократов, в которой он хранит водку, располагается справа на авансцене: это и кабинет, и его дом. Слева же — уголок врачей (ака святая троица): фельдшер Сергей Сергеевич и Хоботов с ассистентом, восседавшие на ужасно драных стульях с тортом в медицинском приборе посередине стола.

Евгений Фёдорович Хоботов (Юрий Елагин) — столичный молодой доктор, говорящий цитатами Дорна из "Чайки", любитель показнокрадствовать и сладко поесть. Его ассистент, старшая медсестра Ирина Сергеевна Прозорова (Алла Еминцева) — пожившая Ирина из "Трёх сестёр", яростно продолжающая искать себе применение и опять разочаровывающаяся в очередной работе и явно меняя своё отношение к больным со скоростью

света: Упадышев просит принести зелёнку ("Всё тело горит!"), на что слышит грубый отказ, но стоит главному врачу робко заявить о зелёночке — тут же будет исполнено. Ведь это попросил не какой-то грязный глупый больной, а приказал сам врач, сама власть, сам приказ! Тут, видимо, голос совести и честности не то чтобы молчит — ему обрезали и вырвали связки навеки. Зато приказ выполнен на 150 процентов — больной обмазан зелёнкой с ног до головы целиком без пятнышка кожи — и у врачей наступает своё безумие. Они все так или иначе сумасшедшие: стоит огромный вопрос, не перепутали ли их местами? Ещё отнюдь не ясно, кто более ненормален и глуп: и у сторожа Никиты когда-то была шизофрения, которую благополучно вылечили ударами в темечко, и у Дарьюшки была паранойя, которую излечила местная ведьма. ("Мне казалось, что весь мир хочет меня... Того это самое и ограбить"). Особенно явно безумие врачей видно в сцене с путешествием, попыткой излечения доктора Рагина: если в оригинале "Палате №6" Рагин путешествует с другом, чтобы развеяться, то здесь путешествие решено как хаотичный концерт под гитару, устроенный врачами. Методы лечения как на Западе, где больным устраивают развлекательные концерты и балы. Фельдшер Сергей Сергеевич Курятников (Сергей Андрейчук) — набожный человек, единственный друг Рагина, который убеждён, что все беды от чего? — от того, что "Богу милосердному плохо молимся". Не знаешь акафист Пресвятой Богородицы? — иди учи и молись, тогда, может, и выйдешь живым-здоровым из этого дурдома. Ей-богу, дурдом какой-то!... Но как только Ванечка Громов начинает читать тот самый пресловутый акафист, фельдшер тут же пресекает его и отправляет чистить памперс парализику-профессору Серебрякову. Забавно и одновременно страшно то, что все обязанности санитаров и медсестёр исполняет один из больных - Ванечка Громов - меняет и чистит памперсы профессора, убирается в палате и во дворе, помогает при приёме лекарств больным. Даже трудолюбивая ранее Ирина начинает "путаться в

показаниях" - её постоянные размышления и воздыхания о былом труде и работе не состыковываются с праздным бездельем на рабочем месте (когда Солёный гордо заявляет ей, что сухой, она лишь досадливо машет на него рукой и прогоняет: "У меня мозг с вами усох!"). В очередной раз, когда Упадышев просит зелёнки, Ирина, ведущая праздную беседу с коллегами о своих болячках, снова прогоняет его с репликой "Ты не видишь, мы работаем!". Это уже не двуличие и лицемерие, а откровенное вранье самому себе: причём без всяких угрызений совести. Видимо, у несчастного и вечно страдающего Измученко безумие наступает именно из-за этого — "Душа у меня болит, душа!" — видимо, он всю эту безнравственность и ложь вокруг видит и чувствует так сильно, как никто другой — оттого и страдает, отчаянно вопит. Странно, что других это совершенно не волнует — ни проблемы больных, ни свои же грехи.

Очень трогательная и милая линия профессора Серебрякова и Ванечки Громова, который заботится о старике как о маленьком ребенке — кормит его с ложечки, моет его, говорит с ним и вытирает его слезы. Всякий раз, когда Ваня берет на ручки профессора, начинает звучать ангельское пение — знак того, что вот оно, самое важное — заботиться о ближнем. "Профессор плачет" - "Почему плачет?" - "Болит что-то" - может, тоже болит душа? Ведь он тоже размышляет, что-то чувствует - но не может сказать, а следовательно, не может быть услышанным и понятым. Не это ли и есть самая кошмарная и смертельная болезнь - остаться одному в своих мыслях без возможности поделиться с кем-то, да даже просто поговорить? А ведь забота и сострадание в полном хаосе так важны, так помогают, это то самое - "возлюби ближнего своего как самого себя". К сожалению, это можно отнести только к сумасшедшим — врачи такой функцией, увы, обделены. Это всё — про врачей, которые слепы к страданиям своих же пациентов и давно перестали выполнять свои же прямые обязанности, и про

тронутых умом, чьё безумие на самом деле — не лишение ума, а чистота и правда.

Кульминация безумия наступает в сцене с радио: Ванечка не может уснуть и просит включить радио, чтоб послушать, на что ему дают разрешение ("только тихо!"). Мы слышим фрагменты из "Крыжовника", и нам открывается ужасная, но правда (бедному Ване, видимо, поспать не удастся): "счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут своё бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно" ("Крыжовник") — на каждого одного счастливца приходится тысяча несчастных; на каждого довольного жизнью здорового врача, волею судьбы оставшегося на свободе, существуют десятки больных, и никогда человеческие страдания не смогут быть определены и разрешены в полной мере справедливо и честно. Но в больнице ситуация ещё хуже: врачи видят этих несчастных, говорят с ними, но игнорируют, и душа остаётся равнодушной к страданиям ближнего, хотя по логике Чехова "надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные". И слушает этот монолог только один сумасшедший, вокруг все спят, "сонная одурь", о которой и говорится в монологе. Позже наступает хаос из голосов, и зритель чувствует себя уже с ума сошедшим: разговоры о вкусных блинах сливаются с негодованиями художника об отвратительных условиях жизни в больнице. Из-за голосов двух антагонистов, раздающихся с неба, зритель сам потихоньку становится сумасшедшим: грань между реальными героями и голосами в голове стирается, и волей-неволей спрашиваешь у самого себя: "Кто это сказал? Откуда голос?". Спасибо режиссёру за развитие шизофрении, было интересно.

Невероятный финал, такой тягучий и мрачный, одновременно с резкими проблесками света: кончается спектакль притчей о смоковнице — дереве, чьи плоды безумия и бесчестия придётся пожинать нам — потомкам. Если

заботиться об этом дереве, окапывать его, удобрять благородной почвой — оно возрастет даже в мёртвой земле и будет благоухать. Сложенные своеобразным крестом кровати поднимаются наверх, как дерево, под которым восседает паралитик Серебряков, а Ванечка Громов и Рагин уже на том свете то ли выкапывают сами себе могилы вокруг смоковницы, то ли окапывают это дерево, чтоб оно прорастало дальше. Причём при первом моём просмотре создается твёрдое ощущение рытья могил — метафора того, как Рагин своим бездействием и интеллигентностью сам рыл себе могилу всю свою жизнь, а при втором просмотре — окапывания.

Чехов, конечно, гениален, но так предсказуем — что ни произведение, то баллады о бренности бытия, ничтожности существования, серости рутины, инфантильности человека, кривой любви, несправедливости в мире, где все окрашено в серые тона... И в финале спектакля выходит сам Чехов с лопатами с того света (Михаил Брискин) и начинает пугать потомков своим появлением. Но, тем не менее, все равно трогает. Всё равно волнует. Всё равно поражает и заставляет думать. Всё равно близко к жизни и правдиво. И оттого ещё ужаснее. Весь мир — "палата номер шесть". И в каждом обществе, в каждом офисе, в каждой больнице, в каждой школе или университете, в каждом театре, в каждой квартире, в каждом вагоне метро, в каждом рабочем предприятии, в каждом человеке есть своя палата №6 ("Всё так живут, Андрюша").